

С.М. Лукашевский. Отсылки к 1789 году в истории французов или к соответствующим датам американской истории как к точкам, от которых отталкивается национальный миф, мне подсказали, как мне кажется, ключ к возможному пониманию того, что происходит с историей в нашей стране.

Потому что, безусловно, отношение к истории очень сильно отражает нашу травму, а точнее, травмы. Это не только травма разрушения мира, в котором люди жили, – травма распада Советского Союза. Но явно есть еще и травма несостоявшейся новой гражданской нации, становление которой могло бы начаться в 1991-м году. В 1990-е общество пережило крах веры в то, что оно может создать нормальное, демократическое, справедливое государство.

Возвращаясь к теме Великой Отечественной войны, можно сказать, что сегодняшние массовые настроения – это попытка прикинуться кем-то другим. Не тем, кем мы являемся на самом деле.

И дело не только в пропаганде, о которой так ярко говорил Андрей Архангельский, навязывающей обществу определенное видение истории. Такое отношение общества к прошлому – проекция нынешнего самоощущения на историю.

По последнему опросу Левада-Центра, 86% наших сограждан заявляют, что они не могут на что-либо в стране существенно повлиять. И, соответственно, это нынешнее самоощущение проецируется на историческое сознание.

Вытесняется не просто воспоминание об эпохе перестройки и 1990-х, как о времени изменений, времени трансформаций. Оказались вытесненными сами нарождавшиеся принципы и подходы, которые возникали в то время. Особенно это касается периода перестройки.

Потенциально перестройка – была попыткой построить не просто «не – тоталитарное», а более сложное общество. И новое мышление, и проекты нового Союзного договора (здесь можно вспомнить и проект Конституции Союза Советский Республик Европы и Азии, написанный А.Д. Сахаровым) –

все это было попыткой придать государственной конструкции, удерживающейся раньше прямолинейными, жесткими, тоталитарными методами, - другую, более сложную форму. Эта попытка не увенчалась успехом.

Сейчас мы наблюдаем, действительно, всеобщее стремление к упрощению. И отсюда попытка не замечать разрывов в нашей истории, о чем тоже сегодня говорили. Попытка выстроить линейную историю. Действительно, не только мифология нации-строительства, опирающаяся на Великую Отечественную войну, но и весь взгляд на историю, который формирует государственная пропаганда, - это попытка стирания разрывов и внутренних противоречий. Выстраиваем простую, прямолинейную, понятную историю, которая нам не напоминает о наших травмах.

В заключение я хотел бы отметить еще один момент. Мне он представляется важным. Нам в России свойственен своего рода изоляционистский взгляд на отечественную общественно-политическую жизнь (в прошлом и настоящем) как цельную и уникальную. Но то, что происходит у нас, как мне кажется, является частью гораздо более широкого процесса, охватывающего, во всяком случае, все пространство бывшего социалистического лагеря.

В очень многих странах – можно вспомнить и Венгрию, и Польшу, определенные элементы этого можно найти и в Украине и т.д. -- мы видим похожие процессы, которые в России умножаются на специфику нашего политического режима, на авторитарность, на бóльшую слабость общества, исторической корпорации и т.д. Но, тем не менее, это общий процесс, в котором мы не пионеры, и российские власти нередко реагируют позже, чем такого рода явления возникают в других странах.

Такое положение вещей показательное само по себе. Если перестройка была попыткой объединения мира, объединения двух систем, если мы вспоминаем Сахарова, конвергенцию, то здесь мы, наоборот, наблюдаем усиление партикулярности и партикулярных историй, где вместо того, чтобы

попытаться соединить очень противоречивую, очень страшную историю XX века, каждая возникающая нация выстраивает свой собственный национальный миф, пытаюсь эти противоречия сглаживать и даже порой отрицать.

Хотел бы в заключение отметить один факт, важный для понимания, что и как помнит общество. Готовясь к сегодняшнему Круглому столу, я посмотрел опросы Левада-Центра, касающиеся Сахарова. При почти полном отсутствии его имени в средствах массовой информации видно, что согласно опросам память о Сахарове далеко не нулевая. Она сохраняется у 15% опрошенных в зависимости от формулировки вопроса, 15-20%, даже 30%. Это ничего не говорит ни о влиянии исторической науки, ни об общественной дискуссии, ни об исторической пропаганде. Это говорит только об исторической памяти. И эта память, в действительности, есть. Если ее выявить не только касательно Сахарова, а в связи с другими, не такими масштабными, как распад Советского Союза, но ключевыми событиями, уверен, выяснится, что эта историческая память не исчезает.